Психология дипломатов и дипломатии: к формированию новой исследовательской дисциплины

В.В. Воротников

Практическая психология для дипломатов: учеб. пособие / под ред. Р.Ф. Додельцева; Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. 2-е изд., расшир. и перераб. М.: МГИМО-Университет, 2011. 508 с.

Суверенное и при этом «жизнерадостное своеволие, брутальная беспощадность и осторожное лукавство», – такую характеристику получил один из наиболее выдающихся дипломатов и государственных деятелей князь Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шенхаузен от своего современника графа Ганса Лотаря фон Швейница. Последний был соратником великого канцлера, а сама оценка была сформулирована уже post factum свершений «железного канцлера». И все же трудно спорить с тем, насколько точно ход исторического процесса подтвердил меткость этого описания особенностей психологического склада Бисмарка в приложении к проводившейся им политике.

Одними из важнейших качеств, которыми должен обладать любой хороший дипломат, являются проницательность, внимательность к психологическим особенностям окружения, умение отличить вымысел от правды в словах собеседника, а значит, быть в состоянии представить подобный его психологический портрет после нескольких (или даже одной) встреч или проведения когнитивного картирования. Это, в свою очередь, требует от дипломата знания основ психологии, а также особенностей формирования менталитета и образа мышления партнеров по переговорам или интересующих его лиц в стране пребывания.

Данные вопросы (и многие другие) непосредственно относятся к области психологии дипломатии, которой посвящено учебное пособие «Практическая психология для дипломатов», подготовленное авторским коллективом МГИМО(У) МИД России в 2011 г. под редакцией профессора кафедры философии Р.Ф. Додельцева. Книга представляет собой второе издание учебного пособия, вышедшего в 2007 г., переработанное и значительно расширенное за счет рассмотрения практических аспектов психологии дипломатической работы.

На сегодняшний день психология дипломатии является малоизученным и слабо структурированным (как единое исследовательское поле) понятием. В то же время о необходимости синтеза психологии и дипломатии свидетельствует хотя бы то, что в 2010 г. 3-й ежегодный День психологии в ООН был посвящен их взаимодействию. В западной литературе на протяжении последних десятилетий появляются работы, посвященные различным сферам дипломатической психологии. В основном они касаются таких аспектов, как психология переговоров, урегулирования международных конфликтов, миротворчества, возникновения терроризма и борьбы с ним, взаимодействия по вопросам экологического измерения мировой политики и т.п. Так, именно этим проблемам был посвя-

Воротников Владислав Владиславович – аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России; младший научный сотрудник Центра североевропейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: stumbras@list.ru

щен один из выпусков периодического издания «Международный журнал психологии».

Попытка «начать формировать психологию дипломатии» была предпринята в коллективной работе «Психология дипломатии», вышедшей под редакцией американских психологов Х.Дж. Лангхольца и К.Е. Стоута еще в 2004 г., однако в ней акцент также делался на освещении упомянутых выше вопросов. Тем не менее нельзя не отметить справедливость высказывания одного из соавторов книги, профессионального американского дипломата С. Зельдовица о том, что «обычно дипломаты думают, что психология не имеет отношения к дипломатии и редко анализируют деятельность своих государств или их лидеров с точки зрения психологии. Во многом это объясняется особенностями их образования и подготовки. Большинство работников внешнеполитических служб США имеют степени в области международных отношений, политологии, экономики и права. Среди них практически нет профессиональных психологов, и очень немногие слушали психологические курсы в университетах».

Первую часть работы составляет фундаментальный теоретический раздел, в котором читатель может получить общее представление о существующих в современной психологической науке теориях личности:

– фрейдизм и постфрейдизм;

– бихевиоризм;

– характерологические и когнитивистские теории личности;

– персонология (с акцентом на гуманистическое и культурно-историческое направления).

Особо хотелось бы подчеркнуть важность обращения к синергетике (и ее производной – концепции нового эволюционизма, включающей в себя также элементы системного и организмического подходов) как методологической основе проведения комплексных персонологических исследований. Это позволяет «рассматривать личность в качестве самоорганизующейся и целостной системы, подобной организму». Кроме того, самоорганизация сознания есть неотъемлемая часть любого мыслительного процесса, в том числе обработки информации для поиска нового знания об объекте исследования. Ведь «в ходе самоорганизации происходит перестройка существующих и образование новых связей между элементами системы».

Последнее немаловажно для исследований аналитической составляющей дипломатической работы, одна из основных функций которой – беспристрастное и объективное информирование о положении дел, тенденциях развития, основных персоналиях социально-политической, экономической и культурной жизни в стране пребывания. И здесь выясняется, что «проблема дефицита информации осталась в прошлом, напротив, остро стоит проблема ориентации в лавине данных».

Поэтому важнейшим качеством аналитика (или дипломата-аналитика) является умение при ограниченном времени и факторе неопределенности как основной характеристике развития окружающего мира отделять:

– правдивую информацию от ложной или манипулятивной;

– значимую – от незначимой;

– выделять в информационном шуме сигнальные факты;

– давать качественные прогнозы в условиях неполноты информации и не всегда стопроцентной гарантии ее правдивости. Тем не менее автор главы «Психология аналитической работы» отмечает, что «при психологическом разборе аналитической работы речь идет не о том, чтобы создать некую универсальную модель анализа данных, гарантирующую надежный результат, – подобную задачу следует признать невыполнимой. Скорее, речь может идти о развернутом описании механизмов, на которых основывается человеческое мышление, и одновременно ошибок, характерных для их использования».

В связи с этим трудно переоценить необходимость знания дипломатом ловушек (например, эффект контраста, фундаментальная ошибка атрибуции, ретроспективное искажение, эффект нарастания приверженности и др.) при осуществлении информационно-аналитической и исследовательской работы. Стоит также заметить, что изучение главы, посвященной аналитической деятельности, могло бы быть полезным не только для тех, кто планирует в будущем связать свою жизнь с дипломатией, но также молодых ученых и экспертов в области как внешней, так и внутренней политики.

Вторая часть учебного пособия посвящена практическим аспектам психологии дипломатии, проблемные поля которой формулируются авторами предлагаемых статей весьма широко. Они посвящены трем категориям вопросов:

1) связанных непосредственно с подготовкой и социализацией работника дипломатической сферы;

2) относящихся к психологическим особенностям работы дипломата (от психологии длительной работы в небольшом замкнутом коллективе до когнитивной составляющей информационно-аналитической работы);

3) касающихся психологических особенностей населения страны пребывания (в первую очередь исторических особенностей формирования менталитета и идентичности народа страны пребывания, влияния психологических факторов на процесс принятия политических решений и в целом политические процессы и проч.).

В качестве одного из безусловных достижений данного пособия хотелось бы отметить обращение к тематике психологии работы дипломатического персонала. Авторы, профессиональные дипломаты, затрагивают не только психологические аспекты общения диплома-

тических работников со своими партнерами из стран пребывания или в рамках реализации многосторонней дипломатии (в том числе работы в международных организациях), но также и многие практические проблемы, с которыми сталкиваются дипломаты в повседневной жизни. Так, безусловную ценность представляют советы по осуществлению дипломатической деятельности в условиях кризисных ситуаций, причем касаются они не только психологии переговорного процесса, но и особенностей поведения дипломатических работников, подготовки к работе в таких обстоятельствах.

Однако и в обычных, некризисных условиях быт и трудовая деятельность сотрудников дипломатических представительств могут быть связаны со множеством трудностей психологического характера. Этому посвящена глава «Психологические проблемы дипломатических коллективов» (теоретический аспект данного вопроса освещен в разделах «Психология деятельности малых социальных групп и организаций», «Лидеры и лидерство»). В ней подчеркивается, что такого рода проблемы «должны занимать одно из центральных мест среди приоритетов руководителей МИД, различных подразделений центрального аппарата министерства и российских представительств за границей», ведь только в условиях благоприятной психологической обстановки дипломаты смогут полноценно и качественно выполнять служебные обязанности. Для этого также, что особо подчеркивается, необходимо четко формулировать перед дипломатами цели и задачи деятельности, «которые не только не вызывают у них «отторжения», но, наоборот, воспринимаются как логичные, оптимальные, справедливые и соответствующие интересам представляемого государства».

Наконец, уникальной является глава «Жены в дипломатии». Ее автор, И.А. Добромудрова, жена посла Российской Федерации в Республике Руанда М.М. Ширинского, также соавтора пособия, поднимает редко и «мимоходом затрагиваемую такую интереснейшую тему, как психологическая составляющая жизни, работы и досуга жен дипломатов». Она подчеркивает, что жена дипломатического работника (в особенности высокого ранга) «является не просто частным лицом, но можно сказать, что она тоже едет работать».

Помимо отмечаемых «рабочих» функций (представительской, информационной и коммуникативной), которые выполняют жены дипломатов, не следует забывать и о традиционной – женщинам принадлежит существенная роль в поддержании положительного психологического климата в коллективе загранучреждения. Причем особо значима в этом деле личность и деятельность жены посла.

Большой интерес представляет и раздел, посвященный влиянию этнопсихологии на работу дипломатов в стране пребывания. Подробно, хотя и неисчерпывающе, описываются психологические особенности и их влияние на социально-политические процессы в Японии, обеих Кореях, Иране, государствах мусульманского мира и Латинской Америки. Однако, как представляется, большую практическую ценность имело бы дальнейшее расширение данного раздела. Причем значительный интерес могли бы представлять материалы, посвященные влиянию этнопсихологических факторов на дипломатию государств евроатлантического пространства.

Неверно было бы полагать, что происходящая по мере углубления процессов интеграции и глобализации универсализация норм делового общения и стилей ведения переговоров стирает также и влияние особенностей этнопсихологии не только на область собственно дипломатии, но и на процессы принятия внешнеполитических решений, методы их реализации и т.п. Действительно, реальность мирополитических процессов демонстрирует, что история той или иной западной страны продолжает оказывать влияние на мышление политической и дипломатической элит в процессе формирования и реализации внешнеполитического курса.

Так, американская дипломатия (и даже ее стиль ведения переговоров) при внешней демократичности далека от того, чтобы избавиться от мессианства и уверенности в безусловной правоте и всеобщей применимости исповедуемых ими ценностей. Британские и французские дипломаты могут избыточно демонстрировать собственное достоинство как империи в прошлом и государства, оказывающие ключевое воздействие на формирование миропорядка в настоящее время. В приложении к Великобритании свою роль могут играть также болезненность восприятия утраты лидирующих позиций в мире во второй половине XX в., а также не до конца изжитый со времен Британской империи «комплекс превосходства белого человека».

На французский деловой и дипломатический стиль оказывает влияние то, что это государство на протяжении нескольких столетий задавало тон не только в культурной, но и политической жизни всей Европы, «оказало значительное влияние на формирование дипломатического протокола и этикета, а французский язык еще долгое время был языком международного общения».

География расположения некоторых небольших и пограничных государств определила их непростую историческую судьбу, что, безусловно, сказалось и на особенностях внешней политики, суть которых можно понять, только обратившись к сфере этнопсихологии. Так, польская внешняя политика продолжает сохранять значительный великодержавный компонент: «И пока историческая память не подвергнется масштабной эволюции (а для этого нужна смена нескольких поколений), парадигма отношений с соседями вряд ли сможет существенно поменяться. У Польши нет другой истории, и именно поэтому у нее не будет другой внешней политики». А, например, ее северные соседи (Латвия,

Литва, Эстония) строят свою внешнюю политику, руководствуясь чувством обиды на свою непростую историческую судьбу. Следствием этого стало утверждение «концепции оккупации» как основы «всей системы правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии», а также их (и Литвы) внешнеполитической идеологии. Причем «у титульных этносов Балтии эта проблема из когнитивной, логической, рациональной сферы давно перетекла в сферу эмоциональную и иррациональную. Аргументы здесь не имеют значения». В результате любая попытка обсуждения этого вопроса истории внешней политики вызывает устойчиво негативную реакцию в обществе, а предложение разобраться в прошлом межгосударственных отношений «расценивается среди многих латышей, литовцев и эстонцев как покушение на национальную святыню, как кощунство».

Кроме того, совершенно особым феноменом является деятельность дипломатов, представляющих национальные государства в наднациональных органах Европейского союза. По сути, речь идет о людях с двойной идентичностью – национальной, которая не должна проявляться при принятии решений, касающихся всех государств этого интеграционного объединения, и общеевропейской, космополитической. Данная психологическая особенность, как представляется, имеет большое значение при анализе деятельности таких лиц. Причем, поскольку регионализация и создание региональных интеграционных группировок (с вероятным последующим формированием и наднациональным интеграционным координирующих или управляющих органов) являются наиболее актуальными и значимыми тенденциями современного мирового развития, количество дипломатов с подобной двойной (или даже множественной) идентичностью будет только расти.

Все вышеперечисленное могло бы стать предметом дальнейшего изучения в процессе формирования психологии дипломатии как исследовательской дисциплины. Ее развитие имеет вполне очевидное прикладное значение не только для России, но и для стран Запада. Непонимание психологии и национальных особенностей в государствах других регионов мира порой ведет лишь к обострению политической обстановки и конфликтам. Как отмечает британский аналитик Оксфордской исследовательской группы (Oxford Research Group) Габриэль Рифкинд, «западное мышление предполагает превосходство западной цивилизации, которое позволяет нам навязывать собственную повестку дня другим. С ближневосточной точки зрения это выглядит лицемерно и эгоистично. В качестве примера такого подхода можно было бы назвать Великобританию, которая осуществляет замену своих ракет «Трайдент», при этом одновременно заявляя, что Иран не имеет права стать ядерной военной державой; или США, энергично совершенствующие космический ядерный оборонный щит и удивляющиеся реакции России». И хотя данное замечание, по сути, относится к области психологии конфликтного регулирования (которая, как уже было отмечено, составляет лишь часть широкого исследовательского поля психологии дипломатии), значительный опыт, который наработан западными специалистами в этой и ряде других ранее упоминавшихся областей, вполне может быть использован российскими психологами и дипломатами в процессе разработки проблемных полей психологии дипломатии.

В заключение хотелось бы отметить, что еще в подготовленном в 2002 г. авторским коллективом МГИМО учебном пособии «Дипломатическая служба» отмечались как важнейшие качества, которыми должен обладать дипломат, такие качества, как:

– проницательность и стрессоустойчивость;

– «умение устанавливать и поддерживать доверительные деловые отношения с окружающими»;

– «способность определять приоритеты, быть целеустремленным;

– работать творчески и без лишних эмоций при подготовке информационно-аналитических материалов».

Все эти характеристики, непосредственно относящиеся к области психологии, имели и, безусловно, продолжают сохранять важность в процессе подготовки и приема на работу дипломатических работников. Поэтому каковы бы ни были перспективы становления психологии дипломатической деятельности как научной дисциплины, с уверенностью можно утверждать, что книга «Практическая психология для дипломатов» представляет хотя и не исчерпывающее, но, безусловно, крайне важное с практической точки зрения пособие для подготовки кадров дипломатической службы, изучение которого не только поможет им более осознанно выбирать профессию, но и облегчит выполнение ими служебных обязанностей, а значит, не только облегчит продвижение по карьерной лестнице, но также будет способствовать более успешной и эффективной реализации национальных интересов Российской Федерации.

Vorotnikov V.V. The Psychology of Diplomats and Diplomacy: the Formation of a New Research Discipline.